

Юрий
Вронский

КРОВЬ ВИКИНГА

... И НА КАМНЯХ
РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2021

УДК 82-311.6-93

ББК 63.3 (2)

В 82

Вронский Ю. П.

В 82 Кровь викинга...И на камнях растут деревья. – М.: Родина, 2021. – 448 с. – (Русская история).

ISBN 978-5-00180-198-6

Исторические повести о приключениях Кукши из Домовичей стали основой для знаменитого фильма «И на камнях растут деревья».

Приключения Кукши – варяжского пленника, затем раба, вора, а затем – царского гвардейца в Царьграде, – необычайны, но язык не поворачивается назвать их невероятными. Ю. П. Вронский сочинил повесть таким образом, что в ее события, вытекающие одно из другого, охотно веришь. Приятно понимать, что сын конунга, товарищ в играх и побратим Кукши мальчик Харальд станет великим норвежским королем Харальдом Прекрасноволосым, а дерзкие морские разбойники викинги Хаскульд, Тюр и Рерик в нашей истории зовутся князьями Рюриком, Аскольдом и Диром.

УДК 82-311.6-93

ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-00180-198-6

© Вронский Ю. П., 2021

© ООО «Издательство Родина»,
2021

Часть первая

КУКША, ВАРЯЖСКИЙ ПЛЕННИК

ВСТУПЛЕНИЕ

Ласковый весенний день. Ни облачка, ни ветерка. Не шелхнутся прошлогодние былинки у опушки бора. Но в вершинах древних сосен слышится немолчный шум, и кажется, будто над миром летит чей-то глубокий бесконечный вздох.

На высоком правом берегу Тихвины — порожистой лесной реки — раскинулась деревня Домовичи. Деревня невелика — всего несколько изб. Стоят они среди огромных валунов — не в ряд, а как придётся.

Окон в избах нет. Двери низкие, в ширину они больше, чем в высоту. Чтобы войти в избу, надо низко наклониться и, перешагивая порог, высоко поднимать ноги. А рослый человек, и наклонившись, рискует задеть спиной притолоку.

Кровли выложены дёрном по берестяной подстилке. Они уже запестрели весенними цветами, особенно густо — на скалах, обращённых к солнцу. Из волокового отверстия¹ в кровле струится дымок. Печь в избе никогда не гаснет — ведь от неё и тепло и свет.

Живут в деревне домовичи, люди, ведущие свой род от дедушки Домового, доблестного воина, искусного охотника и рыбака, неутомимого землепашца и на всякое дело умельца. Он, по преданию, первый из словен² срубил избу в этих местах, спокон веку заселённых людьми племени весь³.

Прежде жил дедушка Домовой далеко отсюда, на Волхове-реке, близ Ильмень-озера, да замучили данями-поборами князя — ещё деды-прадеды Гостомыслы⁴. Решил дедушка податься куда-нибудь в отдалённое место, куда не дотянуться княжеским рукам. Стал расспрашивать мимоезжих купцов. Купцы ведь по торговым делам забираются даже и на край земли. Они и поведали дедушке про реку Тихвину. Леса, мол, там нехоженны, звери — непуганы, земли — непаханы: живи не тужи.

Тронулся дедушка в путь со всей семьёй и роднёй, со скотиной и скарбом, на трёх больших челнах. Трудный был путь, однако добрались все живы-здоровы. Не совсем там оказа-

лось так, как рассказывали купцы. Жил уже и на Тихвине народ — волосы белые, глаза светло-голубые, будто выцветшие на солнце. Рыбаки да охотники.

Поначалу ошетинились, а потом — ничего, найдётся, говорят, и вам место. К тому же дедушка не утаил, что он и гончар, и кузнец, и на дуде игрец. Такой-то человек всюду ко двору. Зажили дружно, на праздники друг к другу ходили, домовичи женились на местных светлоглазых девушках, а местные парни — на домовичских.

Однако со временем и сюда дотянулись долгие княжеские руки — как-то весной, точно гром с ясного неба, свалились на Тихвину сборщики дани. Дедушка Домовой этого, понятно, уже не увидел. Ещё и после него несколько поколений прожили спокойно. А теперь вот опять весна, самая радостная пора, а радости нет.

В деревне недавно побывали варяги⁵, посланные ладожским князем. Они не удовольствовались той данью, что к их приходу собрали домовичи, и пошли шарить по избам и клетям⁶. Забрав всё, что им приглянулось, они пустились дальше вниз по реке.

Тихо в ограбленной деревне. Не слышать гомона играющих детей. Даже брехливые псы и те умолкли. Только уцелевший петух, глупая птица, хотя и видел, как варяги сворачивали шеи его товарищам, нет-нет, да и закукарекает как ни в чём не бывало.

Домовичи безропотно позволили себя ограбить, потому что в деревне нет воинов. Здешние жители в позапрошлом году проявили непокорность и, объединившись с соседями, прогнали сборщиков дани, не дав им ни шкурки. Тогда на следующий год ладожский князь прислал своего воеводу с дружиной — усмирять строптивых.

Тяжко на сердце у Ельцы, вдовы, живущей в крайней избе, недалеко от обрыва. Когда домовичи дрались с княжескими дружинниками, у неё убили мужа, и осталась она с пятью сиротами — четырьмя девками и сыном. А нынче, после очередного прихода варягов, пропал и сын, отрок⁷ десяти лет, на которого была вся надежда.

Ублажала Ельца предка Домового, идол которого стоит в красном углу, угощала его хлебом и рыбой, молоком и мёдом, просила найти и вывести из лесу её сына, если он заплутал. Ходила с подношениями в лес, к огромной, в три обхвата сосне, уговаривала Лешего, если он держит её сына, отпустить его домой. Спускалась к реке, умоляла весёлых русалок отдать

хоть тело сына, — известно, что живыми-то русалки ещё никого не отпускали...

Однако отрока нет как нет, ни живого, ни мёртвого. Верно, зверь задрал его в лесу и никогда больше не увидит мать своего единственного сына.

Глава первая

ХАЛЬВДАН ЧЁРНЫЙ

Хальвдан Чёрный — славный мурманский князь, или, по-здешнему, конунг. Он правит Вестфоллом, Рингерике, Румерике, Хедмарком и некоторыми другими землями. Конунг Хальвдан — мудрый и справедливый правитель, в его владениях царит мир, во всех делах конунгу сопутствует удача, урожаи при нём хорошие, и народ любит его.

Обширное хозяйство у Хальвдана Чёрного, чего только нет у него на усадьбе! Вот просторный хлев, конунг большое внимание уделяет разведению быков, их немало требуется для прокорма многочисленных родичей, домочадцев и гостей, но особенно для праздничных пиров, посвящённых богам и богиням.

Для жертвоприношений и для стола в хозяйстве конунга разводятся также коней, свиней и петухов — это главные жертвенные животные варягов. Есть на усадьбе овчарня, где зимует большое стадо овец. Овцы — замечательные животные, их тоже можно приносить в жертву и употреблять в пищу, они дают тёплый мех и шерсть, а кроме того, — бараний жир, который идёт для светильников.

Каждый знает, что хорошие урожаи, чем так прославлено правление Хальвдана Чёрного, можно поддерживать только постоянными жертвами, и это первейшая обязанность конунга.

Бывали случаи, что какой-нибудь конунг пренебрегал своей обязанностью, тогда в стране, которой он правил, наступал недород. Опомнившись, конунг резал множество голов скота, приносил обильные жертвы, но не достигал никакого успеха. На следующий год он приносил человеческие жертвы. Толку не было по-прежнему.

Тут уж людям приходилось прибегать к последнему средству — приносить в жертву Одину⁸, верховному богу, самого конунга и омыwać жертвенник его кровью. Только такой ценой удавалось вернуть урожаи в свою землю.

Помимо хлева, конюшни, овчарни, свиарника и птичника, в конунговой усадьбе есть амбары, сenniки, различные кладовые и погреба, соколятня, кузня, дом для гостей и другие постройки.

Шумно в усадьбе: с раннего утра до позднего вечера доносится из кузни звон молотов о наковальни, не смолкает кукареканье множества петухов, из кожевенной, шорной и прочих мастерских слышится заунывное пение разноплемённых рабов.

Однако сегодня здесь царит особенное оживление. В малом загоне режут скот, в поварне стряпают всевозможные яства, из погреба выкатывают бочки с хмельным мёдом и приятным на вкус слабым пивом — любимым напитком женщин и детей. Конунгова усадьба готовится к пиру. Накануне вечером из далёкой Гардарики⁹ приплыли викинги¹⁰. Их предводитель Хаскульд — давнишний приятель Хальвдана Чёрного. Он всегда охотно вступал в дружину конунга, когда требовалось отразить нападение врага или усмирить непокорных.

Знакомы Хальвдану и некоторые другие викинги. Конунг не раз беседовал с чернобородым Тюром, бывалым воином, много повидавшим на своём веку. Его мать была рабыней, её купили когда-то на торгу в Хедебю, в Дании, однако Тюр — весьма достойный человек несмотря на происхождение.

Рыжий великан Сван тоже бывал в гостях у Хальвдана. Это доблестный воин, берсерк¹¹, он не побоится выйти один против дюжины.

Викинги привезли с собой белобрысого отрока лет десяти-одиннадцати, с которым они все очень ласковы. Однако про него не скажешь, что он платит им той же монетой. Он угрюм и молчалив, впрочем, кажется, он не понимает по-мурмански.

Просторная гридница¹², где происходят пиры конунга Хальвдана Чёрного, освещена множеством жировых светильников, они укреплены на витых железных ножках, воткнутых в земляной пол. Посреди пола горит очаг, перед ним расположено почётное сиденье конунга, украшенное с двух сторон резными столбами. Стены гридницы сплошь затянуты коврами с изображениями особенно знаменитых битв. На коврах колышутся тени гостей.

Конунг — человек крепкого сложения, у него длинные, чуть не до пояса, седые волосы и борода. Он указывает гостям место напротив себя, у другой стены — там расположено второе почётное сиденье, на нём размещается предводитель Хаскульд и его ближние мужи. Один из них Тюр, он сажает рядом

с собой белобрысого отрока. Остальные садятся на лавки по обе стороны почётного сиденья. Чем ближе место к огню, тем оно считается почётнее.

Конунгу, как и прочим участникам пира, не терпится послушать, что расскажут люди, прибывшие из далёких краёв, однако лицо его выражает только важность и спокойствие. Он ни за что не позволит себе торопить гостей.

Над каждым из мужей, своих и прибывших, поблёскивают доспехи, повешенные на стену: меч, секира, щит и шлем. Звучат заздравные речи, в могучие глотки воинов льётся хмельной мёд из рогов, оправленных серебром. Мало-помалу гости начинают рассказывать о далёкой стране Гардарики, о её городах, о Ладогe, которой правит знаменитый морской конунг Одд Стрела.

Гардарики — богатый край, но там неудобно совершать викингские набеги, потому что нет спасительного морского простора. Одд Стрела придумал, как без набегов пользоваться всеми дарами тех земель. Для этого он захватил город Ладого, что на реке Волхов, укрепился в нём и покори́л или перебил окрестных князей, пользуясь их взаимной враждой. Ладога стоит на таком месте, что в неё стекаются богатства с трёх сторон: с запада — рабы, с севера — пушнина, а с востока — золото, серебро и драгоценные ткани. Правда, к югу от Ладогги расположен город Хольмгарт.¹³ В последнее время он начал расти и богатеть, и, значит, часть богатств, идущих с юга и востока, оседает там. Конечно, он как бельмо на глазу, но со временем его можно захватить.

Возвращаясь в Норвегию из Гардарики, Хаскульд и его люди грабили берега Варяжского моря и взяли немало добычи, хотя тамошние места были уже изрядно опустошены до них.

Глаза пирующих то и дело останавливаются на отроке, которого опекает Тюр. Не только женщинам и девушкам, сидящим на женской скамье у торцовой стены, — пожилым воинам, умудрённым жизнью, тоже любопытно узнать, откуда взялся отрок и зачем он понадобился викингам. Уголёк любопытства жжёт даже охладелое сердце конунга, завершающего свой жизненный путь.

Наконец Хаскульд, заметив его взгляд, невольно брошенный на отрока, говорит:

— Я думаю, что теперь нам следует рассказать о Кукше¹⁴. Лучше всего это, пожалуй, сделать Тюру. Он ведь скальд¹⁵.

Тюр не заставляет долго себя уговаривать, он осушает только что поднесённый ему рог и начинает рассказывать.

Глава вторая

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С КУКШЕЙ

Рассказ Тюра

Собирали мы нынешней весной дань для ладожского конунга и приплыли в одну словенскую деревню. Угощение нам приготовили щедрое, мёд лился рекой. Однако дани оказалось маловато, нетрудно было сообразить, что жители решились восполнить мёдом недостаток белок и куниц.

Мёд мёдом, а дань данью. Не хотите отдавать добром, возьмём силой. Пошли мы по избам и клетям. Сунулись со Сваном в одну избу, а навстречу нам баба бешеная, встала на пути, кричит что-то, не пускает.

Если б это было не в Гардарики, мы бы её недолго думая убрали с дороги мечом, но там нельзя — конунг не велит людей зря убивать, они ведь как-никак его данники. Мы даже угрожать той бабе не можем, не знаем толком по-ихнему, а она, того гляди, в глаза вцепится.

Стал её Сван оттаскивать, чтобы пройти, вдруг, откуда ни возмись, выскакивает отрок — и на Свана. Да так бесстрашно! Он мне сразу понравился. Ах ты, волчонок, думаю, хороший волк из тебя со временем вырастет!

Я даже рассмеялся, когда он боднул Свана головой в живот и начал колотить его кулаками. Только Сван, как известно, до шуток не охоч. Быстро надоела ему эта забава, отшвырнул он отрока, отшвырнул бабу и хотел пройти. Глядь, отрок опять на него, только уже с топором. Тогда я вмешался, отнял у него топор. Там девчонки стояли — видно, сестры его, — велел им утащить отрока прочь, пока не поздно. Жаль мне его стало, ведь убьёт, думаю, его Сван!

Взяли мы всё, что отыскали, и покинули ту деревню. Плыть дальше нельзя, на пути опасный речной порог, так что идём лесом, в обход порога. Вдруг слышу, позади меня что-то зазвенело. Оборачиваюсь — оказывается, в Сванов шлем камень угодил. Да увесистый, с гусиное яйцо будет! Несдобровать бы Свану, попади камень ему в лицо!

Камни не птицы, сами по лесу не летают. Гляжу, за кустами кто-то прячется. Я как увидел круглые серые глаза, сразу понял — опять тот отрок!

Бросился к нему Сван, лишь тогда отрок пустился улепетывать. Сван за ним в погоню, а мы сели ждать. Недолго, думаю, нам ждать, не уйти бедняге от Свана, другого такого бе-